

ДИСКУССИЯ

Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики

*Гаврилов В.В.**

Новые тенденции мирового общественного развития, обозначившиеся в конце XX – начале XXI века, поставили перед международно-правовой наукой ряд важных теоретических и практических задач, от эффективного решения которых во многом будет зависеть выбор стратегического направления дальнейшего развития человеческой цивилизации. Главнейшая из этих задач, на наш взгляд, заключается сегодня в определении содержательных характеристик будущего мирового порядка, основанного на верховенстве права, а также в создании необходимых механизмов и процедур его построения и функционирования.

Актуальность постановки указанной проблемы предопределяется фундаментальными изменениями, произошедшими в мире на рубеже 1980 – 1990-х годов, которые привели к распаду сложившейся во второй половине XX века системы международных отношений, основанной на противостоянии блоков социалистических и капиталистических государств. На смену биполярному миру времен холодной войны пришла динамично развивающаяся новая сложная мировая система, характеризующаяся многополярностью и многомерностью всех составляющих ее компонентов.

* Гаврилов Вячеслав Вячеславович – к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права, декан международно-правового факультета Дальневосточного государственного университета.

Однако, вопреки ожиданиям многих политических и научных деятелей, указанные процессы не привели к существенному сближению Востока и Запада и, как следствие, построению единого мирового сообщества, основанного на универсальных ценностях, принципах взаимопомощи и сотрудничества всех государств мира. Напротив, на фоне роста глобальной взаимозависимости достаточно ясно стали проявляться тенденции разрастания региональных этнических конфликтов, усиления сепаратистских тенденций и стремительного роста международного терроризма¹.

Чудовищные по своему цинизму и последствиям террористические акции в США, события на Балканах и Ближнем Востоке, появление новых ядерных держав и односторонний выход Соединенных Штатов из договора по ограничению противоракетных вооружений (ПРО) поставили под угрозу существующую систему международной безопасности. Кардинальные изменения произошли и в сфере международных экономических отношений, лейтмотивом которых стало заметное усиление влияния транснациональных корпораций (ТНК) и других субъектов международной хозяйственной деятельности на формирование и регулирование мировых процессов. Трудноразрешимыми стали глобальные проблемы, ясно показавшие недопустимость и опасность потребительского отношения людей к природе и друг к другу.

В то же время, как ни парадоксально это звучит, именно сейчас, благодаря такому положению дел, у народов появился реальный шанс резко изменить ситуацию к лучшему. «Возможность позитивного развития становится реальной только тогда, когда исчерпаны до предела возможности негативного развития. Сегодня они исчерпаны во многом»². Сложившийся к началу XXI века характер межгосударственных отношений объективно предопределил необходимость поиска качественно новых методов и средств осуществления внешнеполитической деятельности государств. В кардинальной перестройке нуждается и само содержание такой деятельности.

Трагические события в США лишний раз доказали тот очевидный факт, что человечество сегодня должно объединиться не только

¹ См.: Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2000. С. 4-9.

² Поздняков Э., Шадрин И. О гуманизации и демократизации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 4. С. 18.

для решения насущных экономических, технических или социальных проблем, но и для совместного противодействия различным террористическим и экстремистским организациям, деятельность которых является одной из основных угроз, способных ввергнуть мир в хаос крупномасштабного вооруженного конфликта. Непродуманные односторонние ответные меры в подобных случаях могут только усугубить ситуацию.

В этих условиях стала очевидной потребность переосмысления сложившихся после второй мировой войны стереотипов международной политической практики и, как следствие, адаптации к новым реалиям совокупности принципов и правил, определяющих поведение участников международных отношений. Последнее замечание, в первую очередь, касается норм международного права. «Хотя международное право существует с древних времен, - отмечают В.С. Верещетин и Р.А. Мюллерсон, - изменения в мировом сообществе и в характере самого международного права придали ему совершенно новое звучание. То, что в прошлом рассматривалось лишь как один из атрибутов внешней политики, средство для оправдания своих действий или, наоборот, обвинения политических и идеологических противников, превращается в важнейший способ решения главных проблем современности»³.

Однако не все придерживаются такой точки зрения. Так, например, И. Шадрин и Э. Поздняков полагают, что нормы международного права «вряд ли... могут рассматриваться в качестве надежного гаранта безопасности и мирного сосуществования государств. Более того, они не только не могут служить таким гарантом, но и сами нуждаются в гарантиях. Международное право покоится на договорах, содержащих в самом акте их заключения предлог для своего нарушения. Ведь сама идея международного права предполагает и исходит из существования и противоборства многих, независимых друг от друга государств. Такое состояние само по себе если и не есть состояние войны, то, по крайней мере, ее постоянная предпосылка»⁴.

Подобные оценки, по нашему мнению, вряд ли можно признать справедливыми. Действительно, за всю богатую историю своего

³ Верещетин В.С., Мюллерсон Р.А. Примат международного права в мировой политике // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 3.

⁴ Поздняков Э., Шадрин И. Указ. соч. С. 26-27.

развития международное право переживало периоды упадка, ему были присущи реакционные по нынешним меркам нормы и институты, его нормы не отличались, да и сейчас во многом не отличаются высокой эффективностью. Но заявлять, что в самом международном праве заложены семена постоянной конфронтации государств, неправомерно. Наоборот, его предназначение как раз и заключается в поиске баланса интересов. Координации действий отдельных стран можно достигнуть «только посредством современного международного права как свода правил поведения, представляющего собой результат согласования воль, позиций и интересов государств»⁵.

Одной из наиболее популярных современных концепций, в рамках которой нашло воплощение скептическое отношение определенной части ученых, политиков и юристов к международному праву, стала теория «мирового менеджмента». Ее сторонники предлагают рассматривать традиционную область международного права в более широком контексте «режимов» мировой политики. Под такими режимами они понимают наборы явно выраженных и подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых концентрируются ожидания участников конкретной области международных отношений. Совокупность этих режимов в различных сферах мировой политики и составляет, с их точки зрения, организм «мирового менеджмента», который выступает в качестве основного регулирующего начала современных мировых процессов⁶.

На наш взгляд, очевидный недостаток этой теории состоит в отсутствии объективной оценки динамики развития международных отношений, а также роли международного права в процессе их регулирования. Регулятивные возможности международно-правовых норм действительно не безграничны. Роль и значение международного права, как и любой другой нормативно-правовой конструкции, во многом определяются характером регулируемой им системы общественных отношений. Тем не менее, было бы ошибкой отрицать обратное влияние его норм на содержание международных отношений. «Именно международное право, – подчеркивает Б.М. Клименко, – создает организованное сообщество го-

⁵ *Верещетин В.С., Мюллерсон Р.А.* Указ. соч. С. 3-4.

⁶ См.: *Современные международные отношения: Учебник.* С. 71-72.

сударств, определяя отношения между ними таким образом, чтобы это сообщество могло устойчиво существовать. Так создается международный правопорядок, который с течением времени совершенствуется»⁷.

Конечно, современная международная система еще во многом остается децентрализованной и слабо интегрированной структурой. И это объективно «работает» в пользу силовых акций. В то же время нельзя не отметить и тот факт, что международное сообщество неуклонно развивается в направлении все большей интегрированности его субъектов, что создает объективные предпосылки для нарастающего влияния не силовых, в том числе правовых, факторов⁸.

Хотя люди «постоянно обращают внимание на серьезные нарушения международного права, - отмечают американские политологи Ф. Пирсон и Дж. Рочестер, - они почему-то отказываются замечать его текущую работу в повседневной жизни мирового сообщества. Действительность же заключается в том, что в настоящее время существует огромное количество международных договоров и обычных международно-правовых норм, которые большинство государств старается соблюдать на протяжении длительных периодов времени»⁹.

Несмотря на наличие целого ряда негативных факторов, современный мир полон примеров, подтверждающих неуклонное движение человечества по пути к более устойчивому и целостному международному сообществу. В последние годы очевидной стала тенденция сужения возможностей национальных правительств решать насущные проблемы в локальных, ограниченных рамках своих государств масштабах, без тесной координации действий друг с другом. Интеграционные процессы, происходящие сегодня в политической, экономической, информационной, духовной сферах, вызывают потребность в более тесном взаимодействии государственно-политических систем, основой правового регулирования которого, по нашему мнению, способны стать только международно-правовые нормы.

⁷ Клименко Б.М. Проблема эффективности международного права // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 4.

⁸ См.: Генов И. Соотношение права и силы в международных отношениях // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 95.

⁹ Pearson F.S., Rochester J.M. International Relations: The Global Condition in the Late Twentieth Century. McGraw-Hill, Inc., 1992. P. 319.

«В новых условиях, - совершенно справедливо отмечает И.И. Лукашук, - традиционные механизмы саморегулирования, такие, как равновесие сил, оказываются малопригодными и подлежат замене механизмами целенаправленного управления, основанными на демократическом сотрудничестве. Баланс сил должен быть заменен балансом интересов. Гармонизация общих и национальных интересов - гарантия тех и других, основа нового мирового порядка. Справедливый порядок может иметь надежную опору не в равенстве сил, а в равенстве прав и обязанностей, а также в особой ответственности могучих держав»¹⁰.

Международное право является по своей сути общедемократической нормативной системой. В его основополагающих источниках уже нашли закрепление многие общечеловеческие ценности: недопустимость применения силы или угрозы силой, невмешательство, уважение прав человека, разоружение, межгосударственное сотрудничество и др. Только при помощи международного права «независимые, действительно равноправные государства образуют устойчивую международную систему, становятся зависимыми не от усмотрения сильного, а от общесогласованных норм международного общения»¹¹. В этом - основа международного правопорядка и стабильности.

О росте роли и значения международного права в современном мире свидетельствует тот факт, что в последние десятилетия произошло существенное расширение круга общественных отношений, составляющих предмет его правового регулирования. Этот процесс развивается сегодня в двух основных направлениях. Для первого из них характерна регламентация международным правом новых направлений межгосударственного сотрудничества. Содержание второго определяет все более глубокое проникновение регулирующего воздействия международно-правовых норм в сферу внутригосударственных отношений.

«Объективные тенденции развития международных отношений и увеличения взаимозависимости государств, - подчеркивает Б.М. Клименко, - привели к расширению сферы правового регулирования этих отношений, что выражается в появлении новых

¹⁰ Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М., 1997. С. 14.

¹¹ Рыбаков Ю., Скотников Л., Змеевский А. Примат права в политике // Международная жизнь. 1989. № 4. С. 61-62.

отраслей международного права»¹². Так, например, только во второй половине прошлого века в его рамках в относительно короткие исторические сроки сформировались такие нормативные образования, как международное право прав человека, международное право окружающей среды, международное уголовное право, международное космическое право, международное ядерное право и ряд других.

Конец XX - начало XXI века ознаменовались осуществлением крупного прорыва на ряде ключевых направлений научно-технического прогресса, который повлек за собой создание единого общемирового информационного пространства, углубление и диверсификацию международных экономических связей, появление новых революционных технологий в промышленности и медицине. Указанные факторы придали взаимозависимости государств глобальный характер и породили, наряду с дополнительными возможностями социально-экономического прогресса и расширения человеческих контактов, новые опасности крупномасштабных экономических кризисов, техногенных катастроф, роста международного терроризма и транснациональной организованной преступности¹³.

Все это объективно предопределяет дальнейшее расширение сферы действия международного права, интенсификацию международно-правового регулирования как традиционных, так и вновь формирующихся областей межгосударственного сотрудничества. В последнем случае особого внимания заслуживают, в частности, проблемы регламентации отношений, возникающих в виртуальной реальности киберпространства¹⁴, экспериментов в сфере геной инженерии¹⁵, деятельности транснациональных корпораций, а также создания эффективных международных механизмов и структур для противодействия различным формам сепаратизма и экстремизма.

¹² Клименко Б.М. Указ. соч. С. 3-4.

¹³ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации // Международное право. 2001. № 1. С. 434-435.

¹⁴ Подробнее см., например: Федотов М.А. Свобода слова в контексте информационной революции: правовые ориентиры // Международное право. 2001. № 3. С. 21-26.

¹⁵ Подробнее см., например: Квачадзе М.О. Эксперименты в сфере геной инженерии и правовые вопросы // Московский журнал международного права. 1999. № 3. С. 3-10.

Рассматривая вопрос о расширении сферы действия современного международного права, нельзя обойти вниманием и тот очевидный факт, что в последние десятилетия значительное распространение получила практика регулирования международно-правовыми нормами внутригосударственных отношений. В ряде стран, включая Российскую Федерацию, нормы международного права были объявлены составной частью их правовой системы, а положения международных договоров получили приоритет над нормами национального законодательства в случае их коллизии между собой¹⁶. Данное обстоятельство не означает, однако, как это полагают некоторые отечественные исследователи, что международные соглашения необходимо рассматривать сегодня в качестве источников российского права¹⁷.

В российской и зарубежной правовой доктрине все большее распространение приобретает точка зрения о том, что определенные элементы сферы внутригосударственных отношений должны рассматриваться «как объекты совместного регулирования - с участием как внутригосударственных, так и международно-правовых норм»¹⁸. К числу таких объектов совместного регулирования можно отнести, например, вопросы защиты прав человека, охраны окружающей среды, определение правового статуса отдельных видов территорий, а также признание и установление содержания некоторых правовых концепций (правовое государство, демократическое общество и др.).

В свою очередь, расширение предметной сферы действия международно-правовых норм в рамках международных экономических отношений можно проиллюстрировать, в частности, на примере деятельности Всемирной Торговой Организации, в сферу регулирования которой постепенно переходят из области внутригосударственной компетенции вопросы установления и применения тарифных и нетарифных барьеров, интеллектуальной собственности, инвестиционных мер, экологических нормативов и т.п.¹⁹

¹⁶ См.: *Хлестов О.Н.* Прогноз развития международного права в XXI веке // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 27.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Гаврилов В.В.* Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 39-61.

¹⁸ *Международное право: Учебник для вузов* / Отв. ред. с проф. *Г.В. Игнатенко* и проф. *О.И. Тиунов*. М., 2001. С. 11-12.

¹⁹ См.: *Шумилов В.М.* Международное публичное экономическое право: Учебное пособие. М., 2001. С.29.

Изменившиеся политические реалии вызвали в международно-правовой литературе новое серьезное обсуждение проблемы понятия и пределов государственного суверенитета. В результате состоявшейся дискуссии в доктрине сформировалось позитивное отношение к мысли о том, что поиск баланса интересов государств в современном мире должен быть неразрывно связан с «интернационализацией традиционно внутригосударственных вопросов, с передачей в общих интересах отдельных прав в международную компетенцию»²⁰.

Содержание понятий «внутренняя компетенция государства» и «внутренние дела государства» подвижно. Оно эволюционирует вместе с развитием международных отношений и в соответствии с волеизъявлением самих государств, облеченных в форму международно-правовых норм. Нормы международного права не содержат никаких ограничений или запретов по кругу вопросов, которые могут подвергаться международно-правовому регулированию, если при этом имеет место добровольное согласие взаимодействующих государств и не нарушаются права других субъектов международного права. Поэтому, «хотя те или иные общественные отношения могут не быть предметом международно-правового регулирования, препятствием к этому является не суверенитет государств, как таковой, а их нежелание пойти на такое регулирование»²¹.

Как подчеркивал бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали, «уважение неотъемлемого суверенитета и целостности государства имеет решающее значение для любого совместного продвижения вперед на международной арене. Однако время абсолютного и исключительного суверенитета прошло. Его теоретическая концепция никогда не подтверждалась реальной жизнью. Задача руководителей государств сегодня состоит в том, чтобы понять это и обеспечить равновесие между потребностями благого внутреннего управления и требованиями все более взаимозависимого мира»²².

²⁰ Рыбаков Ю., Скотников Л., Змеевский А. Указ. соч. С. 62.

²¹ Зубрилин В.И. Суверенитет государств и сотрудничество в области прав человека // Международное право в современном мире. М., 1991. С. 75.

²² Док. ООН A/47/277 от 17 июня 1992 г. С. 5.

Отказываясь от абсолютного суверенитета в отношении каких-либо действий в пределах своей территории, государства одновременно приобретают право оказывать влияние на решение этих же вопросов во всемирном масштабе. Поэтому международные договоры, ориентированные на регулирование отношений, складывающихся в пределах одного государства, необходимо рассматривать не в качестве средства ограничения его суверенитета, а в качестве меры согласования (координации) волеизъявлений различных стран, проистекающих из суверенитета. «Система норм международного права, - подчеркивает В.А. Василенко, - является не чем иным, как осознанной и созданной самими государствами основой их поведения, а поэтому нет никаких причин говорить об ограничении, разрушении или поглощении государственного суверенитета международным правом»²³.

Как совершенно справедливо указывал А.Н. Талалаев, «основное предназначение международного права «состоит не в подчинении внутренней жизни государства, а в создании оптимальных международных условий для ее всестороннего развития»²⁴. Вместе с тем, с другой стороны, расширение предметной сферы действия международно-правовых норм объективно способствует развитию процессов унификации внутреннего законодательства отдельных стран, гармонизации и конвергенции национальных правовых систем, которые ведут в перспективе к формированию единого правового пространства»²⁵.

Построение указанного единого правового пространства, однако, не должно становиться самоцелью. Расширение сферы действия международного права не следует искусственно интенсифицировать, так как это может привести к прямо противоположным результатам. Объем и характер предписаний международно-правовых норм должны объективно соответствовать существующей в настоящее время заинтересованности государств в универсальном механизме регулирования определенных разновидностей общественных отношений. Другое дело, что после окончания «холодной войны» и завершения очередного этапа научно-технической революции потребность в создании подобного механизма

²³ Василенко В.А. Основы теории международного права. Киев, 1988. С. 152.

²⁴ Талалаев А.Н. Право международных договоров: Общие вопросы. М., 1980. С. 138.

²⁵ См.: Шумилов В.М. Указ. соч. С. 51-52.

в целом ряде случаев стала достаточно очевидной. Она прямо вытекает сегодня из тех новых, более крупных и значительных акций, которые должны быть предприняты мировым сообществом в целях решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Наблюдаемое в последние десятилетия интенсивное «вторжение» регулирующего воздействия международно-правовых норм в сферу внутренней компетенции государств обуславливает, на наш взгляд, необходимость пересмотра одного из основных теоретических постулатов отечественной международно-правовой доктрины второй половины прошлого века - утверждения о принципиальной невозможности распространения на физические лица отдельных государств статуса субъектов международного права.

В течение многих лет сторонники этой концепции считали недопустимым говорить о международной правосубъектности индивида, так как в соответствии с их точкой зрения «правосубъектность в международном праве предполагает кроме способности к самостоятельным международным действиям также способность создавать и обеспечивать выполнение международно-правовых норм», которой физические лица не обладают. Кроме того, по их мнению, к этой проблеме вообще надо относиться с большой осторожностью в силу того, что «международное право есть право межгосударственное и еще не достигло той стадии, на которой возможно признание правосубъектности индивида, поскольку это ослабит суверенитет государств»²⁶. Как указывает И.И. Лукашук: «Признание индивида субъектом международного права потребовало бы изменения самой природы этого права»²⁷.

Между тем, динамика развития международных отношений свидетельствует об обратном. Принятие во второй половине XX века в рамках ООН, Совета Европы и других международных организаций универсальных и региональных соглашений о правах человека, наделивших физические лица рядом конкретных прав международно-правового характера, неопровержимо свидетельствует о тенденции расширения традиционного круга субъектов международного права.

²⁶ XXXI ежегодное собрание Советской ассоциации международного права // Советский ежегодник международного права, 1988. М., 1989. С. 261.

²⁷ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник. – 2-е изд., перераб и доп. М., 2001. С. 27.

Безусловно, индивид и государство - явления не однопорядковые. Лишь благодаря нормотворческим усилиям вторых первые способны приобретать тот или иной международно-правовой статус. Физическое лицо не в состоянии создавать своими действиями нормы международного права. Однако, как показывает практика, непосредственным адресатом некоторых из таких норм, а следовательно, и субъектом международных правоотношений оно, несомненно, является. Отсутствие при этом у индивида нормообразующих функций свидетельствует лишь о его специфичности как субъекта права, а не о том, что у него нет и не может быть международной правосубъектности.

«У науки международного права, - совершенно справедливо отмечает Н.В. Захарова, - нет оснований отказываться от общепринятого определения категории «субъект права», служащей для обозначения тех, к кому обращено право, на кого распространяются его нормы». Следует признать правильным также то ее замечание, что «качество правосубъектности лицо приобретает вне зависимости от величины круга правоотношений, в которых оно участвует или может участвовать. Достаточно наличия одного такого правоотношения, чтобы приобрести качество правосубъектности»²⁸.

При этом, однако, не следует впадать в другую крайность, которая в настоящее время проявляется в утверждениях целого ряда отечественных и зарубежных авторов о возможности полной замены внутригосударственного регулирования правового положения личности регулированием международно-правовым. Исчерпывающая и исключительная регламентация прав человека международным правом сегодня попросту невозможна из-за сохраняющихся различий в подходах отдельных государств к проблеме определения их сущности и содержания. Кроме того, механизм функционирования международного права не может сам по себе обеспечить физическим лицам пользование их правами. Как отмечает американский юрист Л. Хенкин, «международное право прав человека направляет и дополняет внутригосударственное право, способствуя исправлению недостатков конституций и законов отдельных государств, но оно не заменяет, и в действительности не может заменить, соответствующее национальное законодательство»²⁹.

²⁸ Захарова Н.В. Индивид – субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С.114.

До тех пор, пока существуют государственность и институт гражданства, защита прав личности в том или ином объеме с неизбежностью будет порождать юридические отношения между государством и человеком. Поэтому представляется, что ситуация, при которой большинство международно-правовых норм, имеющих целью воздействие на правовое положение личности, непосредственно адресуются государствам и обязывают их обеспечить индивидам определенную совокупность прав и свобод, не претерпит каких-либо существенных изменений в ближайшие десятилетия.

Таким образом, признавая за физическими лицами статус субъектов международного права, необходимо специально подчеркнуть, что индивиды обладают им лишь постольку и в тех пределах, поскольку это санкционировано и определено нормами межгосударственных соглашений, *непосредственно* предоставляющих физическим лицам права или возлагающих на них обязанности³⁰.

При такой постановке вопроса высказываемые в научной литературе опасения об изменении природы международного права, которое неизбежно должно последовать вслед за приобретением международной правосубъектности индивидами, лишаются всякого основания, так как речь в данном случае идет не об изменении межгосударственного характера международного права, а о появлении в его рамках новой разновидности субъектов, которые выступают в качестве «адресатов» международно-правовых норм, не обладая при этом нормотворческими функциями.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу о необходимости пересмотра традиционного для отечественной международно-правовой доктрины определения субъекта международного права, в основу которого положены признаки самостоятельности и независимости носителей международной правосубъектности, а также их способность участвовать в международном нормотворческом процессе. Всяческой поддержки в связи с этим заслуживает точка

²⁹ Henkin L. Introduction. The International Bill of Human Rights // International Law: Cases and Materials. St. Paul, Minn., 1987. P. 1022.

³⁰ Речь в данном случае идет прежде всего о праве физических лиц на обращение в международные контрольные и судебные органы, об уголовной ответственности индивидов за преступления против мира и безопасности человечества, а также о ряде прав имущественного и личного неимущественного характера, предоставляемых физическим лицам межгосударственными соглашениями в области международного частного права.

зрения Г.В. Игнатенко, который призывает «освободить понимание субъекта международного права от чрезмерных условий, выраженных в требовании особого, полностью самостоятельного международно-правового статуса и способности к равноправному участию в создании норм и к независимому, свободному от чьей-либо юрисдикции их осуществлению³¹».

На наш взгляд, в соответствии с современной трактовкой предмета международно-правового регулирования более близким к действительности представляется определение субъекта международного права как участника международных отношений, обладающего правами и обязанностями, непосредственно предоставляемыми или возлагаемыми на него международно-правовыми нормами. При этом традиционное подразделение субъектов на первичные и производные необходимо дополнить их разграничением на субъекты, наделенные нормотворческой функцией, и субъекты, ею не обладающие.

К числу последней разновидности субъектов международного права, помимо физических лиц, могут быть также отнесены международные неправительственные организации, международные хозяйственные объединения и юридические лица отдельных государств (включая ТНК), которым международно-правовыми нормами непосредственно предоставлены права или на которые возложены обязанности, имеющие юридически значимое содержание и признаваемые государствами официальные последствия их осуществления³².

Расширение предметной и субъектной основы современного международного права объективно предопределяет пристальное внимание, которое должно уделяться сегодня «улучшению качества» правовой материи в различных отраслях международного права, совершенствованию механизмов воздействия международно-правовых норм на общественные отношения, возникающие как на межгосударственном, так и на национальном уровне, ужесточению мер контроля за соблюдением государствами и другими субъектами международного права своих обязательств. Во всестороннем теоретическом и практическом обеспечении этого процес-

³¹ Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. - проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. М., 2001. С. 46.

³² Там же. С. 47-48.

са заключается, на наш взгляд, еще одна задача современной международно-правовой науки.

В данном случае нельзя не согласиться с мнением американского профессора Дж. Уэйлера, который еще 15 лет назад отмечал, что «чем определеннее система норм..., чем развитее юридический механизм применения этих норм, тем труднее поддерживать пропасть между сущим и должным. Когда в каждом конкретном случае можно точно и недвусмысленно определить правомерность предпринятых действий, исключается двойная игра. Просто правительства, которые хотели бы выглядеть правопослушными, вынуждены были бы быть таковыми»³³.

Возрастание роли международного права в современном мире не означает, однако, что только его нормы способны и должны выступать в качестве нормативных регуляторов отношений международного характера. Как справедливо подчеркивает Л.Х. Мингазов, «существенное значение для эффективности воздействия на международные отношения имеет правильное сочетание правовых и других (и, прежде всего, политических) видов регулирования. Использование лишь международно-правового регулирования не всегда является оптимальным вариантом. В некоторых случаях рекомендации международных организаций являются более эффективным средством воздействия, а в других - предпочтительным может быть урегулирование политическое»³⁴. При этом выбор того или иного средства регулирования в каждом конкретном случае должен определяться наличием необходимых политических, экономических, социальных и духовных предпосылок.

Из числа неправовых регуляторов, входящих в состав международной нормативной системы, особого внимания заслуживают нормы так называемого «международного мягкого права» (soft law), значение которых в процессе регулирования отношений между государствами год от года неуклонно возрастает.

Г.И. Тункин, одним из первых отечественных юристов-международников обративший внимание на эту тенденцию, отмечал, что она может быть объяснена двумя основными причинами: необхо-

³³ Цит. по: *Верещетин В.С., Мюллерсон Р.А.* Международное право: «ошейник для международных отношений» или нормативное выражение общечеловеческих ценностей? // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М., 1989. С. 307.

³⁴ *Мингазов Л.Х.* Эффективность норм международного права. Казань, 1990. С. 123.

димостью интенсификации нормотворческой деятельности на международном уровне, которая сегодня уже не может быть достигнута исключительно в рамках обычного процесса заключения международных договоров, и стремлением государств к созданию норм, не накладывающих на них строгие юридические обязательства, но оказывающих, однако, определенное регулирующее воздействие на их поведение³⁵.

Как и международно-правовые нормы, нормы международного «мягкого права» создаются посредством согласования волеизъявлений государств относительно содержания правил поведения. Они могут содержаться в резолюциях международных организаций, заключительных актах международных конференций, совместных декларациях государств и других международных соглашениях. В то же время основное отличие международно-правовых норм от норм «мягкого права» состоит в том, что при создании последних государства не принимают на себя четкие юридические обязательства по реализации их положений. Нормативные акты, содержащие нормы международного «мягкого права», имеют, таким образом, характер международных договоренностей и не могут быть отнесены к числу источников международного права³⁶.

Нормы международного «мягкого права» выступают в качестве важного средства доправового регулирования. Они нередко способствуют созреванию фактических общественных отношений до уровня, необходимого для ввода в действие международно-правовых норм. Акты, содержащие «мягкие» нормы, могут оказывать также своеобразное превентивное воздействие на международное право, предотвращая возникновение в нем определенных нормативных конструкций как договорного, так и обычного характера.

Кроме того, в тех случаях, когда существует необходимость в международно-правовом регулировании межгосударственных отношений, а соответствующие нормы международного права по тем или иным причинам отсутствуют, нормы международного

³⁵ См.: *Тункин Г.И.* Право и сила в международной системе. М., 1983. С. 58.

³⁶ В отечественной международно-правовой доктрине существует точка зрения о том, что к числу норм международного «мягкого права» могут быть также отнесены правила поведения, которые хотя и обладают юридической силой, но не возлагают на государства конкретные права и обязанности, а дают лишь общую установку должного поведения (см.: *Лукашук И.И.* Международное «мягкое» право // Государство и право. 1994. № 8-9. С. 159-164).

«мягкого права» могут выступать в качестве неправовых средств восполнения образующихся пробелов.

Подобная ситуация является достаточно характерной, в частности, для регулирования отношений в области прав человека. При этом, как подчеркивал в свое время Я.А. Островский, декларация Генеральной Ассамблеи ООН «может оказаться более эффективным документом, чем международный договор, не только с точки зрения большей легкости обеспечения ее универсальности в силу принятия ее без какой-либо процедуры подписания или ратификации, но также в связи с большей степенью ответственности, которая ложится на государства за ее осуществление, особенно если она получает единодушную поддержку стран-членов ООН»³⁷. Эта точка зрения во многом справедлива и сегодня.

В современной международно-правовой доктрине существуют значительные расхождения относительно определения природы актов, содержащих нормы международного «мягкого права». Одни авторы не сомневаются в том, что подобные документы являются юридически обязательными для государств, другие уверены в том, что они содержат некоторый юридический элемент, вынуждающий государства предпринимать определенные меры в целях осуществления норм таких актов на практике, третьи заявляют о том, что они имеют только политическое и моральное значение.

Рамки данной статьи не позволяют остановиться на анализе этой сложной теоретической проблемы более подробно. Отметим лишь, что факт наличия на международной арене разветвленной системы международных нормативных актов неправового характера, оказывающих непосредственное регулирующее воздействие на поведение субъектов международной системы и тесным образом взаимодействующих в рамках этого процесса с международно-правовыми нормами, является объективной реальностью. Поэтому совершенно прав И.И. Лукашук, который отмечает, что характерной чертой современности является «наличие глобальной нормативной системы, сложившейся на базе целей и принципов Устава ООН. В нее в качестве подсистем входят политические, правовые, моральные и другие международные нормы. Каждая из них выполняет свои функции при помощи присущего ей механизма, взаимно дополняя друг друга»³⁸.

³⁷ Островский Я.А. ООН и права человека. М., 1968. С. 36.

³⁸ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник. С. 152.

Можно быть совершенно уверенным в том, что с каждым годом структурные характеристики международной нормативной системы будут усложняться. Эта тенденция станет объективным следствием дальнейшей интенсификации регулирования существующих и вновь образующихся разновидностей международных отношений, а также более тесного взаимодействия и взаимопроникновения различных нормативных конструкций в целях обеспечения высокого качественного уровня и эффективности этого процесса.